

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимовна,

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; тел.: +38(057)7075357; моб.: +38 050 4026717

ЭТИМОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОГО *DŹDŹЬ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать «проблематичную», по мнению О. Н. Трубачёва, этимологию славянского *dŹdŹь с точки зрения формально-семантической типологии. Анализ когнитивной мотивированности большой группы русских диалектных наименований дождя позволил выявить наиболее продуктивные для данной семантической сферы номинационные модели и послужил основанием для определения степени достоверности различных версий этимологии слав. *dŹdŹь. Так, было установлено, что наиболее характерным для данной группы номинаций является пропозитивно-диктумный тип мотивации, при котором актуализируются преимущественно акциональные признаки. В этом контексте предположение О. Н. Трубачёва о том, что слав. *dŹdŹь* этимологизируется как «лить определённым образом», представляется вполне обоснованным с типологической точки зрения, поскольку большинство акциональных мотиваторов (*лечь, плыть, моросить, мжить*) имплицитно включают в свою семантическую структуру семы «вода» и «перемещаться, двигаться». Достаточно продуктивной, по нашим наблюдениям, является и номинционная модель «мельчайшие частицы чего-л.» > «дождь», которая реализуется посредством ряда однотипных образов-мотиваторов: пыль, зола, мука. Данная типологическая параллель позволяет признать вероятной и гипотезу М. Фасмера и П. Я. Черных, согласно которой слав. *dŹdŹь* восходит к и.-е. базе *dheus: *dhŷēs: *dhŷ — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем». В то же время практическое полное отсутствие модусного типа когнитивной мотивации с актуализацией общей оценки («хороший» — «плохой») в исследуемой семантической группе позволило прийти к выводу, что этимология А. Вайана и Н. Трубацкого, которые возводят слав. *dŹdŹь к *dus-dius «облачное небо; плохая погода», является маловероятной.

Ключевые слова: этимология, мотивированность, ономастиология, диалектная номинация, номинационная модель.

Происхождение слав. *dŹdŹь, к которому восходит рус. *дождь*, до настоящего времени остаётся неясным.

По мнению М. Фасмера, эта лексема, вероятно, родственна норвежскому *dusk-regn*, шведскому *regn-dusk* «мелкий дождь», баварскому *dusel* «изморось», норвежскому *dysja* «моросить, струиться» или древне-исландскому *dust* (ср. русск. «пыль»), средне-нижне-немецкому *dust* [21, т. 1, с. 522]. Эту же версию поддерживает и П. Я. Черных, возводящий данные номинации к и.-е. базе *dheus: *dhŷēs: *dhŷ — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем» [22, т. 1, с. 259].

Другая, «остроумная», по определению М. Фасмера, этимология, принадлежащая А. Вайану и Н. Трубацкому, выводит слав. *dŹdŹь из *dus-dius «облачное небо; плохая погода» и сравнивает с др.-инд. **dus-* «дурно, плохо», авест. *duš-*, греч. *δυσ-*, гот. *tuz-* (*tuzwērjan* «сомневаться»), д.-в.-н. *zur-* (*zurlust* ж. «неохота, отвращение»), а второй слог от *dŹdŹь — с др.-инд. *dyu-* «небо», *dyumān* «ясно, светло», *dyāus* «небо, день», *durdivasas*, *durdinam* «пасмурный, дождливый день, дождливая погода», авест. *dyav-* м. «небо», греч. *dus* «тихий, ясный», «ясная погода» [21, т. 1, с. 522]. По мнению О. Н. Трубачёва, эта гипотеза «не может считаться вполне вероятной». «Дело даже не в том, что земледелец так не назовет благословенный для него дождь, табуистическое использование «плохих» слов как названий для желанных предметов и явлений тоже известно; дело в том, что нам собственно говоря, неизвестны древние названия дождя как «плохой погоды», а это уже момент типологии» [23, т. 5, с. 196].

О. Н. Трубачёв отмечает, что в разных языках наблюдается родство значений «дождь» и «лить», «мокрый», «вода». Славянское новообразование *dŹdŹь могло явиться реализацией одной из этих семантических моделей, что-нибудь вроде «лить определённым образом», ср. русск. *моросить*, *изморось* [23, т. 5, с. 196]. О. Н. Трубачёв предлагает и иную гипотезу: «Несколько двусмысленная группа *zdž* в *dŹdŹь может продолжать результат смягчения не только *zd*, *s-d* (как предполагается для этимологии из *dus-dius), но, скорее всего, первонач. *zg*, т.е. *dŹdŹь < **dŹzg-* < **duzg-*, ср. лит. *duzgėti*, *duzgėnti* «шуметь». При этом не исключается звукоподражательная природа *dŹdŹь» [23, т. 5, с. 196].

Неоднозначность этимологической интерпретации исследуемой лексемы обуславливает необходимость обращения к типологическим ономастиологическим параллелям. Как известно, характер мотивации лексем той или иной семантической группы не является случайным, хаотичным.

«Разброс в выборе признаков может быть достаточно велик, но никогда, по-видимому, не выходит за пределы определенного семантического ряда. Свобода выбора признака («случайность»), таким образом, ограничена» [19, т. с. 61]. Каждая семантическая группа характеризуется определённым набором номинационных моделей, среди которых различаются более или менее продуктивные. При этом, несмотря на варьирование конкретных мотивировочных признаков и производящих основ, когнитивные основания номинации, определяющие базовые словообразовательные модели, демонстрируют значительную устойчивость. В этой связи ономастический анализ наименований дождя в современных славянских языках и их диалектах, позволяющий выявить наиболее характерные для данной семантической группы номинационные модели, может быть одним из оснований для установления этимологии лексемы *dvždžь*.

В настоящей статье рассматриваются русские диалектные наименования дождя. Выбор диалектного материала в качестве объекта исследования обусловлен тем, что диалектная речь, не скованная жёсткими рамками кодификации, наиболее репрезентативна в аспекте реализации номинационных моделей. Предметом исследования является когнитивная мотивированность изучаемых лексем. Цель настоящего исследования состоит в выявлении наиболее характерных для русских диалектных наименований дождя типов когнитивной мотивированности и оценке в этом контексте степени достоверности различных гипотез этимологии слав. **dvždžь*.

Общие названия дождя в говорах русского языка, как и в литературном языке, многочисленны и представлены, как правило, непроизводными (с синхронной точки зрения) номинациями, номинациями с утраченной внутренней формой, например, *сярбятня* «дождь» *Заонеж.* [2, с. 67]. В то же время в диалектах имеется большая группа мотивированных имён, детализирующих это понятие. Номинации могут указывать на силу дождя, его длительность, направление, действие, оказываемое дождём и его прагматическую ценность, приуроченность к определённому времени года, сопровождающие дождь осадки, ветер или другие атмосферные явления.

Круг мотивировочных признаков, актуализированных в производных номинациях дождя, достаточно широк.

В рамках пропозитивно-диктумного типа когнитивной мотивации, который основывается на «высвечивании в процессе внутреннего программирования реальных истинностных знаний об объекте, вербализованных знаками в прямых значениях и составляющих диктум пропозиции» [14, с. 163], продуктивны акциональные, предметно-характеризующие и качественно-характеризующие мотивировочные признаки.

Номинативные модели с акциональным типом мотивировочного признака формируются на базе глагольных мотиваторов:

— *лить* и его префиксальных дериватов: *заливень Пск., Твер., Арх.*, [17, т. 10, с. 206; 7, с. 58]; *заливень Новг., Волог., Пск., Смол.* [7, с. 58]; *левень* [16, т. 2, с. 87; 13, с. 82; 18, т. 2, с. 126]; *леи Вят.* [5, т. 2, с. 256]; *ливник Пск.* [5, т. 2, с. 256]; *лея Сиб.* [4, с. 187]; *ливун Кольм.* [1, с. 76]; *литва Влад.* [17, т. 17, с. 17]; *наливка Арх.* [13, с. 97; 12, с. 122; 5, т. 2, с. 434]; *налой Новг.* [5, т. 2, с. 435]; *полевень Смол.* [6, с. 651]; *полива Арх.* [5, т. 3, с. 260; 12, с. 167]; *пролитьё Моск.* [8, с. 423] «сильный дождь»; *полива Яросл.* [17, т. 29, с. 68] «длительный, затяжной дождь»;

— *плыть, плавать: пльвень Пск., Твер.* [5, т. 3, с. 118; 7, с. 183]; *поплавень Твер., поплавня Пск.* [17, т. 29, с. 318] «ливень»;

— *моросить: морозга Арх.* [12, с. 116]; *моросейка Твер.* [17, т. 18, с. 274]; *моросуха Олон.* [10, с. 56]; *морос* [5, т. 2, с. 348]; *морось* [5, т. 2, с. 348]; *морох Яросл.* [5, т. 2, с. 348; 11, с. 133]; *мороха Костр.* [5, т. 2, с. 348]; *омморось Яросл.* [11, с. 133]; *паморозь, паморось Влд.* [5, т. 3, с. 14] «мелкий моросающий дождь»;

— *мжить* «моросить»: *имжа Смол.* [6, с. 298]; *мжица, мжичка Кал., Вят.* [5, т. 2, с. 324]; *мга Кал., Вят.* [5, т. 2, с. 324] «мелкий моросающий дождь»;

— *сеять: севень Твер.* [5, т. 4, с. 378]; *подсевок Твер., Пск.* [17, т. 28, с. 176]; *подсеек, подсей, подсевень* без указ. места [5, т. 3, с. 208] «мелкий моросающий дождь»;

— *обложить, обкладывать: обкладень Орл.* [15, с. 81]; *обложник Арх.* [17, т. 22, с. 106]; *окладник Арх.* [17, т. 23, с. 121] «длительный, затяжной дождь»;

— *перелететь: перелетка Пск.* [9] «кратковременный дождь»;

— *перевалить: перевалка Свердлов., Курган.* [17, т. 26, с. 41] «кратковременный дождь»;

— *парить: парун* «теплый дождь» *Арх.* [17, т. 25, с. 244]; *припарок* «грибной дождь» *Орл.* [15, с. 83];

— *падать: водопад Орл.* [15, с. 69; 8, с. 62] «сильный дождь»;

— *гноить: погной Арх.* [17, т. 27, с. 295]; *сеногной Олон.* [10, с. 117]; *Влд., Поволж., Ладог.-Тихв.* [9] «мелкий продолжительный дождь во время сенокоса»; *листогной* «осенний мелкий дождь» *Иркут.* [17, т. 17, с. 67];

— *пугать: пугач Орл.* [15, с. 84] «кратковременный дождь»;

— *хлестать: косохлест* «сильный дождь, идущий наклонно» *Орл.* [15, с. 76];

— *сечь: сечка Орл.* [15, с. 85] «мелкий дождь, сопровождаемый сильным, резким ветром».

В номинативных моделях с предметно-характеризующим признаком актуализируются либо атмосферные явления, сопровождающие дождь: гром (*громовик* «дождь, сопровождаемый громом» Орл. [15, с. 70]) и снег (*снежница* «дождь со снегом» Пск.) [9], либо прагматическая ценность дождя: *грибник* «мелкий морозящий дождь» [3, с. 129], *грибовник* «теплый грибной дождь» Костром. [17, т. 7, с. 141]; *обабочник* «т.ж.» Арх. [17, т. 21, с. 341]; *огуречник* Орл. «тёплый дождь» [15, с. 82].

Качественно-характеризующие мотивировочные признаки в исследуемой семантической группе непродуктивны: *мелкаш* «мелкий морозящий дождь» Арх. [20, с. 114], *косохлест* «сильный дождь, идущий наклонно» Орл. [15, с. 76]. Одиночны также лексемы, мотивированные темпоральным признаком: *весенник* «весенний дождь» Брян. [17, т. 4, с. 182].

Ассоциативно-терминальная (метафорическая) когнитивная мотивация, которая «характеризуется селекцией мотиватора производного наименования на базе ассоциирования с диктумной частью когнитивной модели других концептов» [14, с. 172], в группе русских диалектных наименований дождя представлена ограниченным кругом образов-мотиваторов. Наиболее продуктивен мотиватор *сито*: *ситега* Олон. [10, с. 106]; *ситивень*, *ситник*, *ситный дождь*, *ситовник*, *ситуха* Сев. [5, 4, с. 189]; *ситоха* Олон. [10, с. 106]; *ситуга*, *ситуха* Арх. [13, с. 157]; *ситяга* Олон., *ситуха* Арх. [12, с. 203] «мелкий морозящий дождь». Метафорическая модель лежит и в основе образования лексемы *золица* «т.ж.» [16, т. 1, с. 195], мотивированной лексемой *зола*. Подобные образы лежат в основе семантической мотивации лексемы *мучник* «мелкий морозящий дождь» Влад.-Поволжск. [9], а также номинации *бус* «т.ж.» Олон., Урал. [12, с. 18; 10, с. 12; 16, т. 1, с. 61], заимствованной из коми *bus* «пыль, порошок» [21, т. 1, с. 250].

Мотивация отдельных метафорических наименований указывает на ассоциирование дождя с действиями, характеризующими живых существ:

- моргать: *моргасинница* Пск., Твер. [5, т. 2, с. 345] «мелкий морозящий дождь»;
- пыхтеть: *пыхтун* [8, с. 431] «мелкий морозящий дождь».

Модусный тип когнитивной мотивации наименований дождя, при котором «мотиватором концепта становится его эмоционально-оценочное восприятие» [14, с. 169], представлен исключительно формами субъективной оценки, образованными суффиксальным путём с актуализацией квантитативно-оценочного мотивировочного признака. Лексемы *дожжака* Ворон. [17, т. 8, с. 92], *дожжевина* Орл. [15, с. 71] «сильный дождь», *дожжовье* «длительный, затяжной дождь» Арх. [17, т. 8, с. 92]; *дождёк* Курск., Ворон., Калуж., Терск., Куйбыш., *дождец* Пск., Смол. [17, т. 8, с. 91—92] «небольшой, слабый дождь»; *бусенец* Волог., Перм., Вят. [17, т. 3, с. 303]; *бусенок*, *бусёничек*, *бусовик*, *бусовичок* [16, т. 1, с. 62]; *ситничек* Сев. [5, т. 4, с. 189] «мелкий морозящий дождь» и др. характеризуют степень интенсивности или длительности дождя.

Номинаций, внутренняя форма которых отражала бы общую оценку (положительную или отрицательную), в исследуемой семантической группе нами выявлено не было.

Таким образом, анализ когнитивной мотивированности русских диалектных наименований дождя показывает, что наиболее продуктивным для данной группы лексем является пропозитивно-диктумный тип мотивации, при котором актуализируются преимущественно акциональные признаки. В этом контексте предположение О. Н. Трубачёва о том, что слав. *dъždъ* этимологизируется как «лить определённым образом», представляется вполне обоснованным с типологической точки зрения, поскольку большинство акциональных мотиваторов (*лить*, *плыть*, *моросить*, *мжить*) имплицитно включают в свою семантическую структуру семы «вода» и «перемещаться, двигаться».

Вероятной можно признать и гипотезу М. Фасмера и П. Я. Черных, согласно которой слав. *dъždъ* восходит к и.-е. базе **dheus*: **dhuēs*: **dhus* — «рассеиваться (в воздухе)», «пылить», «распыляться», «дождить», «носиться вихрем». По нашим наблюдениям, номинативная модель «мельчайшие частицы чего-л.» > «дождь» является достаточно продуктивной и реализуется посредством целого ряда однотипных образов-мотиваторов: пыль, зола, мука.

Этимология А. Вайана и Н. Трубецкого, которые выводят слав. **dъždъ* из **dus-dius* «облачное небо; плохая погода», в контексте проведённого нами исследования представляется маловероятной, поскольку модусный тип когнитивной мотивации с актуализацией общей оценки («хороший» — «плохой») для наименований дождя нехарактерен.

Расширение фактологической базы исследования с привлечением данных других славянских языков и их диалектов позволит уточнить сделанные нами выводы.

Л и т е р а т у р а

1. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз // Сборник ОРЯС. — СПб., 1901. — Т. 68. № 4. — С. 19—163.

2. Горячева Т. В. Этимологические заметки / Т. В. Горячева // Этимология 1985 : сб. научных статей / Ин-т русского языка АН СССР ; отв. ред. О. Н. Трубочёв. — М. : Наука, 1988. — С. 62—71.
3. Горячева Т. В. Материалы к изучению русской народной метеорологической терминологии / Т. В. Горячева // Этимология. 1972 : сб. научн. статей. — М. : Наука, 1974. — С. 129—135.
4. Грив Р. Т. Хрестоматия по старожильческим говорам центральной и западной Сибири : учеб. пособие / Р. Т. Грив. — Красноярск, 1967. — 206 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1989—1991.
6. Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
7. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». — СПб. : Тип. ИАН, 1858. — 326 с.
8. Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмоскovie / А. Ф. Иванова. — М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969. — 598 с.
9. Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии в славянских языках : дис. ... канд. филол. наук / М. М. Кондратенко — М., 1995. — 269 с.
10. Куликовский Г. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. Куликовский. — СПб., 1898. — 150 с.
11. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956) / Г. Г. Мельниченко ; ЯГПИ имени К. Д. Ушинского. — Ярославль, 1961. — 223 с.
12. Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852. — 275 с.
13. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. О. Подвысоцкий. — СПб., 1885. — 198 с.
14. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология : [монография] / Е. А. Селиванова. — К. : Изд-во украинского фитосотсиотсентра, 2000. — 248 с.
15. Словарь метеорологической лексики орловских говоров. — Орёл, 1996. — 104 с.
16. Словарь русских говоров Среднего Урала. — Т. 1—7. — Свердловск, 1964—1988.
17. Словарь русских народных говоров. — Л. : Наука, 1965—2010. — Вып. 1—43.
18. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. — Т. 1—3.
19. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001. — 990 с.
20. Усачёва В. В. Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области / В. В. Усачёва // Славянская лексикография и лексикология. — М. : Наука, 1966. — С. 106—126.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1987.
22. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Русский язык, 2002.
23. Этимологический словарь славянских языков. Праославянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочёва. — М. : Наука, 1974—2010. — Вып. 1—36.

References

1. Bogoraz V. G. Oblastnoj slovar' kolym'skogo russkogo narechiya / V. G. Bogoraz // Sb. ORIaS. — SPb. : Tip. IAN, 1901. — Т. 68. — № 4. — С. 19—163.
2. Goriacheva T. V. Etimologicheskie zametki / T. V. Goriacheva // Etimologija 1985 : sb. nauchn. statej / In-t russkogo jazyka AN SSSR ; otv. red. O. N. Trubachev. — M. : Nauka, 1988. — С. 62—71.
3. Goriacheva T. V. Materialy k izucheniju russkoj narodnoj meteorologicheskoj terminologii / T. V. Goriacheva // Etimologija. 1972 : sb. nauchn. statej. — M. : Nauka, 1974. — С. 129—135.
4. Grib R. T. Khrestomatija po starozhil'českim govoram tsentral'noj i zapadnoj Sibiri : ucheb. posobie / R. T. Grib. — Krasnoyarsk, 1967. — 206 s.
5. Dahl' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dahl. — M. : Russkij jazyk, 1989—1991.
6. Dobvol'skij V. N. Smolenskij oblastnoj slovar' / V. N. Dobvol'skij. — Smolensk : Tip. P. A. Silina, 1914. — 1022 s.
7. Dopolnenie k «Opytu oblastnogo velikoruskogo slovaria». — SPb. : Tip. IAN, 1858. — 326 s.
8. Ivanova A. F. Slovar' govorov Podmoskov'ya / A. F. Ivanova. — M. : Izd-vo Mosk. obl. ped. in-ta, 1969. — 598 s.
9. Kondratenko M. M. Leksika narodnoj meteorologii v slavjanskikh jazykakh : diss. ... kand. filol. nauk / M. M. Kondratenko — M., 1995. — 269 s.
10. Kulikovskij G. Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii / G. Kulikovskij. — SPb., 1898. — 150 s.
11. Mel'nichenko G. G. Kratkij yaroslavskij oblastnoj slovar', ob'edinyayushhij materialy ranee sostavlenykh slovarej (1820—1956) / G. G. Mel'nichenko ; JaGPI imeni K. D. Ushinskogo. — Jaroslavl', 1961. — 223 s.
12. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovaria. — S-Pb., 1852. — 275 s.
13. Podvysotskij A. O. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii / A. O. Podvysotskij. — SPb., 1885. — 198 s.
14. Selivanova E. A. Kognitivnaya onomaziologiya (monografija) / E. A. Selivanova. — K. : Izd-vo ukrainskogo fitosotsiotsentra, 2000. — 248 s.
15. Slovar' meteorologicheskoj leksiki orlovskikh govorov. — Orel, 1996. — 104 s.
16. Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. — Т. 1—7. — Sverdlovsk, 1964—1988.
17. Slovar' russkikh narodnykh govorov. — L.: Nauka, 1965—2010. — Vyp. 1—43.

18. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednej chasti bassejna r. Obi.* — Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1964. — Т. 1—3.
19. *Stepanov Ju. S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury / Ju. S. Stepanov. — 2-e izd., ispr. i dop. — М. : Akademicheskij proekt, 2001. — 990 s.
20. *Usacheva V. V.* Nekotorye dannye o leksicheskom sostave dvukh govorov Arkhangel'skoj oblasti / V. V. Usacheva // Slavianskaja leksikografija i leksikologija. — М. : Nauka, 1966. — S. 106—126.
21. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogoazyka : v 4 t. / M. Fasmer. — М. : Progress, 1987.
22. *Chernykh P. Ja.* Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogoazyka : v 2 t. / P. Ja. Chernykh. — М. : Russkijazyk, 2002.
23. *Etimologicheskij slovar' slavianskikhazykov.* Praslavianskij leksicheskij fond / pod red. O. N. Trubacheva. — М. : Nauka, 1974—2010. — Вып. 1—36.

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимівна,

кандидат філологічних наук, завідувачка кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; Харків, Україна;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; тел.: +38 (057) 7075357; моб.: +38 050 4026717

ЕТИМОЛОГІЯ СЛОВ'ЯНСЬКОГО *DŮŽDŹЬ У КОНТЕКСТІ РОСІЙСЬКОЇ ДІАЛЕКТНОЇ НОМІНАЦІЇ

Анотація. У статті робиться спроба проаналізувати «проблематичну», на думку О. М. Трубацова, етимологію слов'янського *dŮždŹь з точки зору формально-семантичної типології. Аналіз когнітивної вмотивованості великої групи російських діалектних найменувань дощу дозволив виявити найбільш продуктивні для даної семантичної сфери номінаційні моделі й послужив підставою для визначення ступеня достовірності різних версій етимології слов'янського *dŮždŹь. Так, у статті встановлено, що найбільш характерним для даної групи номінацій є пропозитивно-диктумний тип мотивації, при якому актуалізуються переважно акціональні ознаки. У цьому контексті припущення О. М. Трубацова про те, що слов. *dŮždŹь етимологізується як «лити певним чином», видається цілком обґрунтованим з типологічної точки зору, оскільки більшість акціональних мотиваторів (*лити, плісти, моросити, мжити*) імпліцитно включають у свою семантичну структуру семи «вода» і «рухатися». Досить продуктивною є і номінаційна модель «найдрібніші частинки чого-н.» > «дощ», яка реалізується за допомогою ряду однотипних образів-мотиваторів: пил, зола, мука. Дана типологічна паралель дозволяє визнати вірогідною і гіпотезу М. Фасмера та П. Я. Черних, згідно з якою слов. *dŮždŹь походить від і.-є. бази *dheus: **dh̥u̯ ēs*: **dh̥u̯ s*— «розсіюватися (в повітрі)», «порошити», «розпорошуватися», «носитися вихором». У той же час практично повна відсутність у досліджуваній семантичній групі модусного типу когнітивної мотивації з актуалізацією загальної оцінки («хороший» — «поганий») дозволило прийти до висновку, що етимологія А. Вайана і М. Трубацова, які виводять слов. *dŮždŹь з *dus-dius «хмарне небо; погана погода», є малоймовірною.

Ключові слова: етимологія, вмотивованість, ономазіологія, діалектна номінація, номінаційна модель.

Ludmila V. PEDCHENKO

Ph.D. in Linguistics, Head of the Russian Language Department, Philological Faculty, V. N. Karazin Kharkiv National University; Kharkiv, Ukraine;
e-mail: pedchenko@vk.kh.ua; тел.: +38(057)7075357; моб.: +38 050 4026717

ETYMOLOGY OF THE SLAVIC WORD *DŮŽDŹЬ IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DIALECT NOMINATION

Summary. The paper attempts to analyze 'problematic' (in O. N. Trubachev's opinion) etymology of the Slavic word *dŮždŹь in terms of its formal and semantic typology. The cognitive motivation analysis of a large number of Russian dialect names of *rain* allowed us to identify the most productive nomination models for this semantic sphere. Also the analysis served as the basis for specifying the degree of credibility of various etymological versions of the Slavic word *dŮždŹь. Thus, it was found that the proposition/dictum motivation type is the most characteristic for this group of nominations, in which mainly actional properties are highlighted. In this respect, O. N. Trubachev's assumption that the Slavic word *dŮždŹь* can be interpreted as «to pour in a certain way», seems quite reasonable from a typological point of view. It is because most of the actional motivators (*to pour, swim, drizzle, etc.*) imply semes 'water' and 'to move' in their semantic structures. As our observations showed, the nomination model 'the smallest particles of something' > 'rain' is quite productive as well. It is realized by a number of similar images/motivators: *dust, ash, flour*. This typological parallel allows us to recognize M. Fasmer's and P. Ja. Chernykh's hypothesis as possible. According to it, the Slavic word *dŮždŹь* is traced back to the Indo-European basis *dheus: **dh̥u̯ ēs*: **dh̥u̯ s* meaning 'to dissipate (in the air)', 'to produce dust', 'to disperse', 'to rain', 'to swirl'. At the same time almost a complete absence of the modus type of cognitive motivation, in which general appraisal ('good' — 'bad') is highlighted in the semantic group under study, led us to a conclusion that A. Vayan's and N. Trubetskoj's etymology, who trace the Slavic word *dŮždŹь back to *dus-dius 'the cloudy sky; the bad weather' seems unlikely.

Key words: etymology, motivation, onomasiology, dialect nomination, nomination model.

Статтю отримано 20.08.2014 р.